Детская психология: Факторы развития привязанности

МЛАДЕНЧЕСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ И РАЗВИТИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

Несмотря на то, что развитие привязанности представляет собой процесс взаимного влияния, большинство исследователей выделяют роль матери и пренебрегают вкладом младенца. С младенцами, за которыми сложнее ухаживать и с которыми труднее взаимодействовать может развиться менее качественная привязанность младенца к родителю. Новорожденные младенцы, которые хуже ориентируются в объектах и людях, чаще проявляют ненадежную привязанность (Waters, Vaughn, & Egeland, 1980). Аналогичные результаты были обнаружены у немецких новорожденных (Grossman, Grossman, Spangler, Suess, & Unzer, 1985). Возможно, ранние неонатальные трудности могут отражать проблемы в интегративных и адаптивных механизмах, которые продолжают влиять на поведение, взаимодействие и более поздние отношения привязанности. Другие исследования предполагают, что младенцы с «трудным» темпераментом или менее общительные дети испытывают больший стресс во время разлуки и воссоединения (Lewis & Fiering, 1989; Thompson, Connell, & Bridges, 1988). Однако к этим выводам о связи между темпераментом младенцев и более поздней привязанностью младенца к родителю следует относиться с осторожностью, поскольку многие другие исследования не обнаружили никакой связи (Bates, 1987).

Другие данные свидетельствуют о том, что характеристики младенцев, такие как качества темперамента, могут играть роль в ранних социальных отношениях, но только тогда, когда принимаются во внимание другие особенности семейного контекста. *Это говорит о том, что трудное начало не обязательно обрекает младенцев на плохие отношения с родителями.* Родители, у которых есть трудные или раздражительные дети, могут справиться с ситуацией, если получат помощь и поддержку, например, советы по уходу за ребенком, социальное общение и физическую помощь (присмотр за детьми) от супругов или людей, не являющихся членами семьи. Крокенберг (1981) обнаружил, что у раздражительных младенцев вероятность развития надежной привязанности меньше, чем у их нераздражительных сверстников. Однако, если матери раздражительных младенцев получают социальную поддержку, то их младенцы так же склонны к развитию надежной привязанности. Левитт, Вебер и Кларк (1986) тоже нашли поддержку этой теории. В их исследовании 13-ти месячные дети с трудным темпераментом чаще демонстрировали избегание, если у их матерей были плохие отношения с собственными матерями. В совокупности эти данные напоминают нам о том, что биологическое влияние, такое как темперамент младенца, часто может быть лучше всего понято в сочетании с пониманием особенностей социальной экологии, в которой развивается младенец (Bronfenbrenner, 1989; Mangelsdorf, Gunnar, Kestenbaum, Lang, Andreas, 1990).

Стабильность привязанности

Стабильны ли различия в паттернах привязанности, которые мы обсуждали, с течением времени? Младенцы, испытанные в «странной ситуации» в возрасте 12-ти месяцев со своими матерями и снова в возрасте 18-ти месяцев, обычно классифицируются одинаково в двух временных точках. Младенцы, которые демонстрировали надежную привязанность в 12-ть месяцев, были оценены как надежные в 18-ть месяцев. А дети с избегающим и амбивалентным паттернами привязанности так же демонстрировали стабильность в течение шестимесячного интервала (Waters, 1978).

Мейн и Кэссиди (1988) оценили классификацию стабильности привязанности у детей от 1 года до 6 лет. 100% младенцев, оцененных как надежно привязанные в 12 месяцев, были оценены аналогичным образом в 6 лет. В то время как 75% младенцев, которые были оценены как ненадежно привязанные к матерям (избегающие) были признаны избегающими и пять лет спустя. Хотя для оценки этой группы было недостаточно младенцев с небезопасной амбивалентной привязанностью (C), 66% младенцев с дезорганизованной привязанностью (D) демонстрировали стабильность от младенчества до 6-ти лет. Еще одно исследование показало, что группа C или небезопасно-амбивалентная группа в возрасте 6-ти лет остается стабильна в течении одного месяца (Main & Cassidy, 1988). Более того, немецкое исследование показало, что классификация привязанности у детей первого года жизни любой категории (ABC и D) предсказала 78 % классификаций привязанности шестого года жизни (Wartner & Grossman, 1987). Классификация привязанности отца к ребенку также была стабильной, но уровень предсказуемости был ниже (61%), чем в случае классификации привязанности матери к ребенку. Опять же, обратите внимание, как поведение, отражающее эти различные модели отношений привязанности описанные в прошлой статье (заголовок: Роль собственного детского опыта в формировании привязанности) , меняется по мере взросления ребенка.

Однако возникает ли такая стабильность в привязанности младенцев только тогда, когда за прошедший период времени мало что изменилось в обстоятельствах? Что происходит с привязанностью младенцев, которые сталкиваются со стрессовыми изменениями в семейных обстоятельствах, такими как развод, потеря работы или смена места жительства? Будут ли эти младенцы проявлять устойчивость в привязанности? Действительно, у некоторых младенцев наблюдается переход от надежной привязанности к тревожной, особенно если уровень стресса в семье высок. Другие младенцы со временем переходят к более надежной привязанности, если изменение семейной ситуации связано со снятием напряжения (Thompson, Lamb, & Estes, 1982). Эти результаты иллюстрируют модифицируемость отношений привязанности. «Как и любые другие нежные отношения, привязанность младенца к матери возникает в результате взаимодействия. Привязанность продолжает развиваться даже после того, как сформировалась аффективная связь. Плюс привязанность реагирует на изменения в поведении любого из партнеров» (Vaughn, Egeland, Waters, & Sroute, 1979, стр. 975)

Расширение привязанности: отцы и сверстники, как фигуры привязанности

ОТЦЫ КАК ФИГУРЫ ПРИВЯЗАННОСТИ

Младенцы развивают привязанность не только к своим матерям, но и к множеству других людей, включая своих отцов. С изменением культурных взглядов отцы часто играют гораздо более активную роль в раннем младенчестве. Это повышает вероятность того, что они не только разовьют привязанность к младенцам, но и сами послужат фигурой привязанности для них (Bronstein & Cowan, 1988; Parke & Tinsley, 1987). Знаменитое утверждение Маргарет Мид о том, что «отцы — это биологическая необходимость, но социальная случайность», больше не имеет силы.

Даже в период новорожденности отцы проявляют активный интерес к своим младенцам. Современная система помощи в родах построена так, что чаще всего первая встреча происходит удаленно. Отец может видеть ребенка только через стекло. Но мужчины, которым предоставляется возможность вступить в контакт со своими новорожденными малышами, держат, трогают, озвучивают и целуют их так же, как и матери (Parke, 1981; Parke & O'Leary, 1976). На это раннее участие младенцы отвечают взаимностью. Это проявляется в сильной привязанности к отцам в конце первого года жизни. Наблюдательное исследование Лэмба (1977) является ярким примером данного механизма. Ученый изучал поведение младенцев в возрасте от 7 до 8 месяцев и от 12 до 13 месяцев, когда в доме присутствовали оба родителя и дружелюбный, но незнакомый гость.

Хотя младенцы были более привязаны к своим родителям, чем к визитёрам, они не отдавали предпочтения ни одному из родителей с точки зрения своего поведения привязанности. Они были так же склонны прикасаться, объяснятся, приближаться и быть со своими отцами, как и со своими матерями. «Не было обнаружено никаких доказательств, подтверждающих популярное мнение, что младенцы этого возраста должны предпочитать контакт исключительно со своими матерями и быть привязаны только к ним» (Lamb, 1977, стр. 180). Дети на первом году жизни формируют привязанность не только к матери, но и к отцу.

Очевидно, что отцы и матери играют уникальные роли. Отцы — не просто замещающие опекуны в социальном мире своего младенца. Даже несмотря на современные тенденции, вероятность того, что они будут главными опекунами, меньше, чем у матерей. Точно так же дедушки с меньшей вероятностью будут играть такую же активную роль в уходе за детьми, как бабушки (McGreal, 1985; Tinsley & Parke, 1988). & Bathurst 1988). Роль отца в уходе за младенцем возрастает, если на то вынуждают жизненные обстоятельства. Например, мать вынуждена продолжать работать или она пережила кесарево сечение (Pederson, Zaslow, Cain & Anderson, 1980). Еще одной

причиной вовлеченности отца является то, что мать поддерживает его участие и рассматривает его, как компетентного и способного опекуна (Bietel & Parke, 1990)

Особая роль отца заключается в том, что он товарищ по играм: отец проводит в четыре-пять раз больше времени, играя со своими младенцами, чем заботясь о них. Отец как товарищ по играм не ограничивается американской культурой (материал взят из американского учебного пособия). Аналогичный профиль отца, который больше играет, чем ухаживает, обнаружен в ряде других культур, включая Австралию, Израиль, Индию, Италию, Японию и даже среди пигмеев ака в Центральной Африке (Lamb, 1987; Roopnarine, 1992). При этом качество игры у родителей разное. Отцы участвуют в более необычных и физически возбуждающих играх, таких как шуточная борьба (щекотание, подбрасывание, качание и.т.п.), в то время как матери словесно стимулируют своих детей и играют в более спокойные и размеренные игры, такие как прятки (Parke, 1990; Power & Parke, 1982; Yogman, 1981). Эти стилистические различия сохраняются и в раннем детстве, когда матери и отцы демонстрируют одни и те же тенденции в отношении своих трех- и четырехлетних детей (MacDonald & Parke, 1984, 1986). Однако отцы чаще подбрасывают своих сыновей, чем дочерей (Power & Parke, 1982).

Эти различия очень устойчивы. Даже когда отцы остаются дома со своими детьми, пока их жены уходят на работу, они проявляют больше физической активности, чем матери. Но все-таки отцы демонстрируют некоторые аспекты материнского стиля, подражая звукам своих детей таким же высоким голосом, как и матери (Field, 1978). Точно так же результаты из Швеции, где законодательство позволяет отцам оставаться дома и участвовать в уходе за младенцами в течение нескольких месяцев после рождения, показывают, что отцы и матери по-прежнему различаются по стилю взаимодействия (Hwang, 1986; Lamb, Frodi, Hwang, & Frodi, 1982). Пока не установлено, обусловлены ли эти различия между матерью и отцом биологией или опытом. Однако ясно, что младенцы более позитивно реагируют на игру отца, чем на игру матери (Field, 1990). В одном исследовании (Clarke-Stewart, 1978) 18-ти месячные младенцы, если у них был выбор партнеров по игре, чаще выбирали своих отцов, чем своих матерей. Вероятно, потому, что отец — более захватывающий и непредсказуемый партнер по играм.

Но не во всех случаях отец является предпочтительным партнером. Во время стресса предпочтение, как правило, отдается матерям. Младенцы, которых знакомят с чужаком или в неожиданной ситуации, когда присутствуют оба родителя, демонстрируют явное предпочтение матери (Lamb, 1977). Ввиду различных родительских ролей, когда многие матери берут на себя основную ответственность по уходу, выбор матери младенцем во время стресса кажется логичным. Мать, по-видимому, является тем родителем, который чаще выступает в роли защитника, снижающего тревогу в различных семейных обстоятельствах.

Наконец, роли отцов можно изменить с помощью поддерживающих вмешательств, таких как образовательные программы, подчеркивающие важность участия отца и обучающие способам эффективного взаимодействия со своими младенцами (Parke & Beitel, 1986; Levant, 1988).

Таким образом, отцы, как и матери, являются важными фигурами привязанности. Они играют важную роль в раннем социальном и эмоциональном развитии детей.

Кроме того, тот факт, что отцы обычно проводят меньше времени с младенцами, чем матери, подчеркивает, то что качество контакта является более важным фактором, определяющим социальные отношения, чем просто его количество.

РОВЕСНИКИ КАК ФИГУРЫ ПРИВЯЗАННОСТИ

Хотя отцы и матери обычно являются наиболее значимыми объектами привязанности, следует подчеркнуть, что в социальном мире младенца важную роль играет множество других людей, включая сверстников, братьев и сестер, а также родственников, например бабушек и дедушек (Dunn, 1992; Tinsley & Parke, 1988). Сверстники могут стать важными фигурами привязанности даже для маленьких детей. В дошкольном учреждении, где некоторые дети переводились в новые сады, дети, которые уходили, а также оставшиеся дети, испытывали различные реакции, включая повышенную суетливость, уровень активности, негативные реакции и болезни, а также изменения в режиме питания и сна. Филд, 1986). Эти реакции можно рассматривать как стресс от разлуки со сверстниками. Еще более впечатляющую иллюстрацию см. во вставке 7-3. Эмоциональное развитие на раннем этапе жизни лучше всего можно понять, оценив сложность и разнообразие социальной сети младенца.

ИССЛЕДОВАНИЕ: СВЕРСТНИКИ, КАК ФИГУРЫ ПРИВЯЗАННОСТИ

В известном исследовании (Freud & Dann, 1951) шести сирот немецко-еврейского происхождения, разлученных со своими родителями в раннем возрасте из-за Второй мировой войны и помещенных в интернат, рассказывается, как у детей формировалась сильная, защитная привязанность друг к другу в то время, когда они игнорировали и даже проявляли активную враждебность по отношению к своим взрослым опекунам. Дети потеряли родителей в возрасте до 1 года, чаще всего в газовых камерах. Когда им был четвертый год жизни, они прибыли в Бульдог-Бэнкс, небольшой английский загородный дом, который был превращен в ясли для детей войны. До этого они жили вместе в различных концлагерях и учреждениях с первого года жизни. Пребывание в Бульдог-Бэнкс было их первым опытом жизни в небольшой, уютной обстановке.

В первые дни в Бульдог-Бэнкс эти дети были дикими и неуправляемыми. Они уничтожили или повредили большую часть мебели и все свои игрушки в течение нескольких дней. Обычно они игнорировали взрослых, но когда злились, то кусали, плевали или ругались на них и часто называли их bloder ochs (глупые дураки), что, казалось, было их любимым эпитетом для опекунов.

Контраст между их враждебным поведением по отношению к своим опекунам и их заботливым, внимательным отношением друг к другу в группе был удивительным. В одном случае, когда воспитатель случайно сбил одного из детей, двое других детей бросали в нее кирпичи и обзывали. Дети сопротивлялись тому, чтобы их разлучали друг с другом даже для особых удовольствий, таких как катание на пони. Когда один ребенок болел, остальные хотели остаться рядом. Они мало проявляли зависти, ревности или соперничества друг с другом. Взаимопомощь выглядела невероятной для их возраста.

Ниже приведены типичные инциденты за первые семь месяцев работы в Бульдог-Бэнкс:

Дети ели торт, и Джон заплакал, когда увидел, что второй порции не осталось. Рут и Мириам, которые еще не доели свою порцию, отдали ему остатки торта и, казалось, были рады просто погладить его и прокомментировать, как он ест торт.

В другой раз, когда один ребенок потерял перчатки, его товарищ, несмотря на, сильный холод одолжил свои перчатки, не жалуясь на собственный дискомфорт.

Исследователи заметили, что даже в страшных ситуациях дети смогли преодолеть свой трепет, чтобы помочь другим в группе:

К испуганным детям подошла собака. Рут, хотя была сама сильно напугана, смело подошла к кричащему Питеру и дала ему игрушечного кролика, чтобы утешить его. А Джону она успокоила, дав свое ожерелье.

На пляже в Брайтоне Рут бросала камешки в воду. Питер боится волн и не решается подойти. Несмотря на свой страх, он внезапно бросается к Рут с криком: "Вода идет, вода идет" и тащит девочку в безопасное место. (Freud & Dann, 1951, p. 150–168).

Когда же у детей, наконец, стали складываться положительные отношения со взрослыми, они строились на основе групповых чувств и не имели того требовательного, собственнического отношения, которое часто проявляют маленькие дети к собственной матери. Они стали включать в свою группу взрослых и относиться к ним так же, как относились друг к другу. Похоже, это была фаза общей привязанности, за которой у некоторых детей в конце концов последовала специфическая привязанность к отдельному опекуну с появлением цепляния и чувства собственничества. В течение года пребывания в Бульдог-Бэнкс, интенсивность привязанности

детей к своим суррогатным матерям никогда не была такой сильной, как в нормальных отношениях матери и ребенка, и никогда не была такой сильной, как их привязанность к сверстникам.

Оригинальная статья: E. Mavis Hetherington, Ross D. Parke. Child Psychology. A contemporary viewpoint. Fourth edition, 1993

Автор перевода: Золотухина Мария Сергеевна

Редакторы: Симонов Вячеслав Михайлович, Шипилина Елена Ивановна

Источник изображения: pixabay.com

Ключевые слова: детская психология, научная психология, теория привязанности, доказательства теории привязанности, психоаналитическая теория привязанности, теория обучения, этологическая теория Боулби.

